

Игорь Орлов

КИЦУНЭ

18+

Игорь Орлов

Кицунэ

«Автор»

2026

Орлов И. Н.

Кицунэ / И. Н. Орлов — «Автор», 2026

Вы не слышали про Кицунэ — оборотня-лису с тремя хвостами? Хотите узнать, где под древним храмовым комплексом, в подземном городе, спрятан клад, который и поныне охраняют семь духов монахов-воинов, замурованных в каменных драконах? Если да, то вам наверняка интересна история обезглавленного ронина, нашедшего вход в тайный город. Именно для вас написана эта книга. Путешествие к сокровищам таит опасности. Ёкаи — нечистая сила страны восходящего солнца — добавят перца в этом путешествии. Клад до сих пор там. Дерзайте!

© Орлов И. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перелёт	5
Глава 3. Кимодамэси	10
Глава 4. Дом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кицунэ

Глава 1. Перелёт

В Домодедово они приехали за три часа до вылета. Иван был спокоен, весел и пытался шутить. Марина — напряжена, покусывала губу, смотрела по сторонам.

— Ты чего такая дёрганая? — спросил он, пока они стояли в очереди на регистрацию.

— Нормальная я. Слушай, Ваня, я никак не могу понять. У тебя и квартира шикарная, и деньги есть. Почему бы тебе не найти женщину, которая хочет семью и детей? Не надоели приключения? И со старухой этой в Питере... Чего тебе от неё нужно?

— Я не кролик, у меня цель есть. Женщина мне нужна любимая, а не для демографии.

— Какая цель? Что от бабки-то тебе надо?

— Старушку я пожалел. Одно маленькое доброе дело — и я уже сделал жизнь на нашей планете немного лучше. Так каждый человек должен поступать.

Марина подняла брови, посмотрела на него со значением: «Ну ты, Ваня, молодец! Уважаю!» — и засмеялась. Но как-то неестественно. Слишком громко для пустого зала.

Воронов присмотрелся к ней:

— У тебя глаза большие.

— Красные?

— Красивые. Большие как у кролика. И трясешься так же.

Паспортный контроль прошли быстро. Иван получил штамп за минуту. Марину попросили подождать. Женщина в погонах листала её паспорт, заглядывала в компьютер, вызвала начальника. Тот долго смотрел на фотографию, потом на неё саму.

— Пройдёте.

Её отвели в сторону, задали несколько вопросов, вскрыли ручную кладь, проверили косметичку. Иван наблюдал и улыбался.

— Понравилось?

— Отстань.

— Профессионалы. Сразу видят, кого надо проверять.

Она резко обернулась:

— Кого?

— Нервных гражданок, — он взял её под руку. — Идём, скоро посадка.

Самолёт набирал высоту. Москва осталась внизу, в облаках. Иван откинул спинку кресла, прикрыл глаза. Марина листала журнал, но через минуту отложила.

— Вань, ты не боишься летать?

— Какой смысл бояться?

— А вдруг авиакатастрофа?

— Добрый доктор Айболит говорил обезьянке Чичи: «Если к тебе идёт страх, сделай вид, что ты с ним не знакома. Тогда он пройдёт мимо».

Она усмехнулась:

— Ты не исправим. Я что тебе, мартышка? Умеешь успокоить!

Она накрылась пледом и уснула. Иван сидел рядом, чувствовал её дыхание. Иногда она вздрагивала во сне.

При посадке в Пекине она проснулась сама.

— Ты спал?

— Нет, смотрел, как ты сопишь в обе дырочки.

— От тебя коньяком пахнет. Ты пьёшь как не в себя. Не боишься, что тебя высадят из самолёта на полпути? Не всем приятно на это смотреть.

— Не высадят. У них парашютов нет. И потом, ты всё время поглядываешь на этого дорого-богато одетого пассажира с массивной золотой печаткой, который ковыряется мизинцем в носу. Он руку скоро по локоть туда засунет, и никто не сделает ему замечание. Он, как и мы, летит бизнес-классом!

— Я бы вместо парашюта дала вам обоим вашу ручную кладь и вперёд!

— Вот поэтому ты, такая красивая, на радость людям — не стюардесса!

В Пекине Иван прошёл транзитную зону за десять минут. Марину отвели в отдельную комнату. В руке у неё была бутылка воды. Крупный китаец в форме показал на бутылку пальцем, а потом на корзину с мусором.

— Ай вонт ту дринк, — сказала Марина и попыталась открыть бутылку, но здоровенный китаец в форме забрал воду и выбросил в корзину. Второй, поменьше ростом, показал сослуживцу жестом, что пассажирка хотела пить, но тот махнул рукой.

Потом её отвели в комнату, где поставили на тумбу звёздочкой. Заставили расставить пошире ноги и развести в стороны обе руки. Женщина в форме тщательно её досмотрела, прощупав руками некоторые места на теле.

Потом китайский пограничник долго листал паспорт. Задавал вопросы. В конце молча кивнул в сторону выхода и отпустил.

В транзитной зоне Иван ждал с двумя стаканчиками кофе.

— Ничего не нашли?

— Ты издеваешься?

— Пытаюсь развлекаться.

Пекин — Осака. Марина не спала, смотрела в окно на облака. Ваня открыл купленную в дьюти-фри бутылку дорогого коньяка, налил в добытый где-то бокал и, согревая его ладонями, ловил ноздрями знакомый запах.

— Тебе, Марина, не предлагаю, тебя и трезвую будут опять шмонать.

Сказав это, он сделал маленький глоток и изобразил на лице блаженную улыбку.

— Не изображай, что пьёшь божественный нектар. Это по определению яд и в первую очередь поражает центральную нервную систему. Странно, что ты не пьянеешь и можешь что-то внятно говорить.

— Потому что моя система, которая думает, совсем не нервная, как у некоторых, а спокойная. Мой папа в быту пил, и это не мешало ему сделать карьеру и добиться успехов в жизни. Все его родственники говорили маме: «Не устраивай скандалов. Пусть Борис Самойлович пьёт, он не станет алкоголиком. У него гены такие». А я копия своего папы.

— И что, мама скандалила?

— Нет, папа завёл себе молодую любовницу. Мама не простила, и они развелись. Новую пассию папа научил пить, и она спилась, поэтому в Израиль он уехал один. Меня культуре питья тоже папа научил. Я разбираюсь в напитках и меру знаю.

Марина скривилась. Подумала про себя, что пчёлы не будут объяснять мухам, что лучше садиться на цветы, а не на дерьмо, и промолчала.

В Осаке их встретили переводчик — молодой японец в очках — и Виктория-сан.

Сато-сан назвал себя, поклонившись гостям. Воронов и Марина по очереди представились и пожали руки. Виктория взяла инициативу в свои руки:

— Я по просьбе Андрея наняла для вас переводчика. Сато-сан — местный. Имеет связи в полиции и в органах власти. И хорошо понимает по-русски. Я работаю и не смогу с вами встречаться часто.

Сато-сан слушал и вежливо кланялся.

Дружной компанией они доехали до Нары. В поезде Марина закрыла глаза.

— Устала? — сочувственно спросила Виктория.

— Третьи сутки в пути, — она зевнула.

Из Нары взяли такси. В Икоме Воронов уже знал дорогу до дома. Там они попрощались с провожатыми, обменявшись контактами. Воронов сказал:

— Не хотите зайти к нам в гости?

— На ночь глядя в ваш дом с привидениями? — Виктория-сан усмехнулась. — Да и устали вы. Позвоните, когда освоитесь или если нужна будет помощь.

— Какие привидения? — с добродушной улыбкой спросил Иван.

— Каппы! Я присматривала за вашим домом и в саду стала выращивать огурцы. И поливала, и правильно ухаживала, а огурцов нет. Кто ещё мог наши огурцы съесть? Только эти ёкаи, похожие на лягушек.

— Понятно, — протянула Марина.

Было видно, что ей уже совсем не до шуток.

Поднимались по каменным ступеням, которые тянулись вверх, и казалось, им нет конца. Вокруг стояла тишина, пахло влажной землёй и старой листвой. Дом оказался на самом верху, возле храмового комплекса Хозан-дзи. Возле невысокого забора с калиткой, за которым был газон, Марина остановилась, переводя дыхание. Она сняла обувь и по мягкой траве пошла босиком к дому.

— Странно, здесь так тихо. А за домом я вижу сад, и он примыкает прямо к лесу!

— Это дом Андрея. Он купил в кризис. Такое обычно никто не продаёт. Мы в этом доме останавливались с ним, когда путешествовали по Японии.

Он открыл дверь, пропустил её вперёд.

Дом был большим. Татами, скользящие перегородки, старые балки из тёмного дерева. В гостиной — низкий стол, подушки, свитки с иероглифами.

— Интернет есть? — спросила Марина.

— Wi-Fi по всему дому.

— Я не про то, — она прошла вглубь, потрогала шкаф из красного дерева. Дерево было гладким и тёплым, будто живым. — Здесь несколько эпох назад остановилось время. А почему Вика сказала, что это дом с привидениями? И кто такие эти каппы?

Иван тем временем нашёл в холодильнике саке, налил две пиалы.

— Виктория пошутила. Она имела в виду, что дом волшебный, как в сказке. Ёкаи — это сверхъестественные существа. Каппы похожи на человекообразных лягушек. Они очень любят огурцы.

— Мы будем их угощать?

— Японцы перед тем, как искупаться в водоёме, где водятся эти персонажи, бросают в воду огурцы, чтобы те не сожрали их самих. А так они очень даже милые и любят вежливое

обращение. Если ты встретишь каппу, надо церемонно ему поклониться — и он сделает ответный поклон.

Иван мечтательно вздохнул и подвёл итог:

— Это тысяча и одна ночь! И мы в ней — персонажи.

Они выпили. Саке оказалось сладким, тёплым, с газами, похожим на шампанское.

— Я Шахерезада, ты султан?

— А почему нет? — он сел напротив. — Ты будешь рассказывать сказки туристам. Я — управлять процессом.

Марина усмехнулась и спросила:

— И как в сказке, палач будет ждать твоего приказа?

Она рухнула спиной на футон, раскинув руки.

— Я так устала, что сама сейчас умру!

— Я не султан. И ты не рабыня. Спокойной ночи.

— Не вздумай будить меня утром!

На следующий день он постучал в дверь её комнаты.

— Марина, ты не спишь?

Она лежала на футоне, слушала цикад.

— Раньше думала, что они стрекочут, — сказала она, не шевелясь. — Нет. Они поют. Время здесь течёт иначе.

Дверь приоткрылась.

Он сел рядом, наклонился и попытался её обнять. Марина убрала его руку.

— Ваня, не трогай меня, когда я не хочу, — сказала она, глядя в потолок.

— Хорошо, — чётко произнёс он. — Сегодня выходной.

Он вышел, плотно закрыв дверь.

Марина встала. «Обиделся, — подумала она. — Ваня — милая моя плюшевая игрушка».

В саду гулял ветер. Солнечные лучи и тени от деревьев рисовали на стенах причудливые картины.

Глава 2. Знакомство с настоятелем

Утро в Икоме начиналось с тумана. Он стелился по склонам, цеплялся за сосновые ветки и таял у крыш храмов, не успев коснуться земли. Иван и Марина поднимались по мокрым камням к главному зданию Хозан-дзи. Рядом шёл переводчик Сато-сан.

Виктория ждала их у входа. Кивнула, доброжелательно улыбнулась, и лицо её стало серьёзным.

— Настоятель Морита Кэнъити согласился вас принять. Не говорите лишнего. Он не любит длинных речей.

Они прошли по широкому коридору. Внутри пахло старым деревом, ладаном и тишиной. За дверью с бумажной перегородкой сидел старик примерно семидесяти лет.

Он был сухой, поджарый, с сединой, подстриженной очень коротко, почти под машинку. Одет в тёмно-синее кимоно с белым воротом. Сидел прямо, руки лежали на коленях ладонями вниз. Взгляд его показался Ивану недоверчивым и даже колючим. Таким, наверно, и должен быть взгляд человека, который за свою жизнь видел всякое и перестал удивляться.

Иван поклонился. Марина тоже. Настоятель ответил лёгким наклоном головы.

Сато-сан представил их по-японски. Настоятель слушал, не перебивая. Посмотрел на Ивана, потом на Марину. Сказал коротко, и Сато-сан сразу перевёл:

— Он говорит: «Вы пришли издалека. Вам здесь не место. Но если вы уважаете тишину — я разрешу вам остаться».

Иван хотел что-то сказать, но Сато-сан едва заметно качнул головой.

Настоятель поднял руку, жестом давая понять, что он ещё не закончил.

— Ещё он говорит, — продолжил Сато-сан, — что иностранные туристы приносят деньги. Это хорошо. Но если они принесут шум — вы уйдёте. Храм не рынок.

Настоятель посмотрел на Викторию и продолжил. Та кивнула и перевела:

— Вы не японцы и не понимаете наших правил. Но если будете приносить пользу, я дам вам шанс. Не подведите.

Потом добавила от себя:

— Он согласен, но с условием: вы будете работать как волонтёры, а не как экскурсоводы. Формально — ухаживать за садом, чистить дорожки. Экскурсии — только для ваших клиентов из России.

Иван понял. Настоятель дал им разрешение, но в любой момент может отозвать его.

— Аригато годзаимас, — сказал Иван.

Сато-сан перевёл. Настоятель кивнул, поднялся и, не оборачиваясь, вышел через другую дверь.

В комнате стало тихо. Только слышно, как за окном шумит лес.

Глава 3. Кимодамэси

Иван сидел на террасе, смотрел в сад. Наполовину пустая бутылка саке стояла на столе. Марина только что принесла ароматный чай и села рядом с боссом. Напротив — Ёсики-сан, старый садовник, и его жена Виктория.

Эти двое встретились двадцать пять лет назад и с тех пор были вместе. Вика интересовалась восточными религиями и, впервые приехав в Японию, влюбилась в эту страну. Тогда же встретила Ёсики-сан. Красивый и образованный японец сначала стал её гидом, а потом и мужем. Это была счастливая пара — один из тех союзов, что заключаются раз и навсегда.

— Вика, — сказала Марина. — В день нашего приезда ты не захотела зайти к нам в гости. Сказала, что на ночь глядя боишься идти в дом с привидениями. У нас в доме есть привидения? Это правда?

— Говорят, если верить в ёкаев, они приходят. Сегодня я со своим самураем, и мне ничего не страшно!

Она перевела мужу этот диалог, и тот одобрительно кивнул. Ёсики-сан понимал по-русски, но говорил плохо, поэтому Вика была его переводчиком. Японец хитро улыбнулся и сказал одно слово:

— Кимодамэси!

Его супруга, потирая ладони в предвкушении, пояснила:

— Ещё в одиннадцатом веке в Японии самураи, выпив саке, развлекались так: зажигали сто свечей и рассказывали жуткие истории. После каждой страшилки гасили одну свечу. Чем дальше, тем темнее и страшнее. А когда гасла последняя свеча, если верить рассказам, обязательно появлялся нечистый. По-японски — ёкай!

Последние слова она произнесла шёпотом, пытаясь создать нужную атмосферу, и предложила:

— Давайте поиграем. Зажжём свечи. Сто — много, хватит пяти или шести. Сейчас уже темно, и мы сможем создать нужную обстановку. Хотите?

Видно было, что она хочет не просто ответить на вопрос Марины, а подарить историю под нужным соусом. Она много лет работала экскурсоводом и была прекрасным рассказчиком.

В саду пели цикады. Небо было усеяно звёздами. Тёплый воздух благоухал ароматами сада. Ночь была тёмной и тихой. Саке приятно согрело и расслабило гостей. Вечеринка требовала продолжения.

Иван достал бутылку ароматного ямайского рома под чай и щёлкнул пальцами:

— Давайте поиграем! Марина, тащи семисвечник! За каждую историю — рассказчику дополнительная порция рома! Кто первый? Думаю, у Виктории уже есть что сказать! Обещаю, не останусь в долгу!

Компания оживилась. Марина принесла минору и зажгла свечи. Электричество выключили — обстановка сложилась самая подходящая. Супруг Виктории начал предложенную им игру. Она перевела:

— В древности на горе Икома подвизался легендарный основатель сюэндо — Эн-но Одзуну. Где-то совсем рядом в лесу жили два огромных демона-людоеда. Они похищали и пожирали людей, особенно детей.

Иван добавил немного рому в чашку рассказчика. Тот кивнул головой и продолжил:

— Эн-но Одзуну вознес молитвы будде. После поста и суровых медитаций в пещере мудрости ему явилось божественное знамение. Он применил могущественное заклинание, связав демонов невидимыми цепями.

На лицах слушателей не было признаков испуга. Они снисходительно улыбались. Ёсики-сан завершил историю:

— Демоны были поражены силой святого. Они отреклись от своей злой природы, остригли волосы и когти. Стали его преданными стражами. С тех пор их называют Дзэнки и Гоки — они защищают гору и учение Будды.

Слушатели похлопали в ладоши. Вика заметила, что её благородный супруг не хочет пугать гостеприимных хозяев. Она задула одну свечу, отпила немного ароматного чая с ромом из своей чашки и начала:

— Я расскажу про двух гостей одного дома. Ваш это дом или нет, я точно не знаю, но подозреваю, что слухи ходят именно про него!

Она подняла указательный палец, обвела слушателей взглядом и начала:

— В одном одиноко стоящем доме поселился мастер кёкушин карате. Однажды он сошёлся в поединке с неизвестным мастером, который приехал в этот дом, чтобы проверить, чьё карате настоящее. Жилец после этой схватки потерял зрение. У него был повреждён позвоночник, и он едва мог ходить.

Иван, услышав это, поперхнулся чаем и спросил:

— Это его кимоно я нашёл в спортзале?

Виктория подняла правую руку, как бы предлагая не терять терпение, и продолжила:

— Если выйти в сад в лунную ночь, можно увидеть стоящего в белом кимоно слепого, который прячется за деревьями, прислушиваясь к шагам. Он ждёт кого-то, и если почувствует, что его заметили, идёт и зовёт жестом за собой. Он хочет что-то показать. Ещё не нашлось смельчаков, которые решились увидеть это. В лесу, за калиткой может прятаться ёкай-одноглот, который по ночам подстерегает путников. Один из этих ёкаев мог и проглотить бойца.

— Это в нашем доме? — Марина задала этот вопрос равнодушным тоном, но было заметно, что её это беспокоит.

— Это совсем не страшные истории, — заявил Воронов. — Вот погодите, когда придёт моя очередь...

Вика кивнула головой и попросила разрешения дать ей продолжить. Она начала неторопливо глубоким приятным голосом:

Зазеркалье

Дом стоял на отшибе, у самого леса, где тени сосен падали на крышу. Район Хозан-дзи, древняя обитель аскетов, славится древними храмами и гулкой тишиной. Но этот особняк словно выпал из общего порядка вещей — его забыли, и он в одиночестве начал дышать сквозняками и стонать половицами по ночам.

Алексей Иванович арендовал его за бесценок, потому что прежний арендатор, некий Ямаока-сан, исчез при загадочных обстоятельствах, оставив в подвале ржавые гантели, макивару и белое кимоно, висевшее на перекладине. Местные старушки, проходя мимо, останавливались, складывали руки в молитвенном жесте и шептали: «Он всё ещё там, в саду. Прислушивается».

Алексей сбежал из России от кредиторов. Этот жирный пингвин был ленив, одинок до звона в ушах и напуган. Страх и душевную пустоту он заливал ромом и коньяком. Заполнил буфет дорогим алкоголем, превратив старый дом в личный бар. Стены и потолок в его комнате пропахли алкогольным и табачным перегаром.

В подвале он оборудовал винный погреб. Он отгородился от остального мира, боясь высунуть нос. Медленно убивал себя, надеясь, что поток из выпивки унесёт его подальше из этой жизни в другой мир, где коньячные реки и нет никаких проблем. Его тело от пьянства и чревоугодия наливалось, как перезревшая тыква.

Первое время Алексей пил один. Это был ритуал: он наполнял свой бокал, садился напротив старого зеркала в гостиной и чокался со своим отражением в зеркале. Звон был чистым и пустым, как его будущее.

— За счастливый конец, Алёша! — говорил он сам себе, и отражение улыбалось, обнажая жёлтые зубы.

Но однажды ночью он в отражении увидел древнего старца в развевающихся одеждах — сухого, с седой бородой до пояса и пронзительным взглядом. Его лицо излучало спокойствие, решимость и печаль. От неожиданности Алексей поперхнулся вином.

— Кто ты? — прохрипел он.

— Я тот, кто основал этот храм на горе Икома, — тихо ответил старец голосом, похожим на шелест сухих листьев. — Меня зовут Эн-но Одзуну. Я пришёл предостеречь. Если ты не перестанешь пить, тебя хватит удар. Твоя смерть будет ужасна. Тело раздуется и лопнет, как переспелый плод. Никто не придёт. Но есть выход.

Он протянул тонкую, почти прозрачную руку сквозь зеркальную гладь:

— Пожертвуй на храм. Молись. Постись. Начни стремиться к просветлению — хотя бы чуть-чуть, хотя бы на один шаг. И я помогу тебе. Я вижу в тебе не только животные инстинкты. Когда-то у тебя была чистая душа и благородные мечты.

Алексей уставился на старца. В груди что-то шевельнулось — может быть, совесть, может быть, животный страх. Но в тот же миг он представил, как будет стоять на коленях в холодном храме, пахнущем ладаном и воском, отказавшись от привычных пороков — и эта картина показалась ему невыносимее смерти.

Он вскочил, опрокинув стул, и заорал в зеркало, брызгая слюной:

— Пошёл вон, старик! Ты — глюк, ты — белая горячка! Я сам решу, как мне жить и как мне умирать! Не лезь в мою душу!

Он размахнулся и швырнул в зеркало пустой бокал. Стекло не разбилось, но старец исчез, растворился, оставив после себя лишь холодный сквозняк.

Камэоса (ожившая бутылка)

Алексей рухнул обратно в кресло, налил себе ещё, но рука дрожала. Толстяк боялся смотреть в зеркало — но взгляд тянуло туда, как в бездну. Он поднял глаза. В отражении увидел гостя.

Это был Ёкай — яркий, как праздничный фонарь, с широкой улыбкой, выкрашенной киноварью, и глазами-угольями, в которых плясали огоньки. Он был одет в пёстрое кимоно, расшитое золотыми драконами и летящими листьями, а в руке держал покрытую столетним слоем пыли бутылку сакэ.

— Лёха! — прогудел Ёкай голосом, похожим на звон колоколов. — Твой коньяк кончился. Я угощаю!

И он наполнил свой бокал из антикварной бутылки до краёв.

Алексей, у которого в голове уже гудел хмельный ураган, схватил бутылку коньяка, но она была пуста. Он бросил ее на пол. Осмотрелся по сторонам. Кругом пустые бутылки. Он не помнил, когда выпил их все.

Он поднял глаза.

Напротив уже на столе сидел Ёкай. Нет — не сидел. Он был бутылкой. Старой, покрытой паутиной трещин, в которых угадывались глаза, нос и широкая пьяная улыбка. Из горлышка тянулись тонкие руки с длинными пальцами, а из донышка — короткие волосатые ноги. На этикетке, пожелтевшей от времени, краснел один иероглиф: «Смерть». Алексей не умеет читать по-японски, поэтому он просто видит красный значок — и не знает, что он означает.

Бутылка шевельнулась, перевалилась с боку на бок, и из горлышка донёлся голос — хриплый, как шорох сухих листьев:

— Эй, хозяин! Что ты скис, как испорченное сусло? Выгнал старого зануду — и правильно сделал! Кто он такой, чтобы учить тебя жить? Он — святой, а ты — человек. У нас выпивка, а у него только молитвы. Пей, веселись, не думай о завтра. Завтра не наступит, если не пить сегодня!

Алексей смотрел на неё, и голова его гудела. Он протянул руку, взял бутылку. Она была тяжёлой — хотя из неё уже наполнили не один бокал. Стекло было тёплым, как живое тело. Он налил себе. Бутылка не пустела. Она была полна. Всегда полна. Он посмотрел на своё отражение в бутылке — оно улыбалось.

— Ты — мой человек! — гаркнул Алексей, чокаясь с отражением. — Давай ещё!

Они пили всю ночь. Бутылка шептала, посмеивалась, рассказывала непристойные истории про монахов и призраков, про любовниц и проигранные души. Алексей хохотал, глотал сакэ, и в какой-то момент увидел своё отражение в зеркале. Рот был перекошен. Глаза — пустые.

Бутылка наклонилась к уху Алексея, и из горлышка вылетел шёпот:

— Я знаю, чего ты хочешь. У тебя остался только один выход! Там, в подвале, есть перекладина. Рядом — верёвка. Сделай петлю. Встань на стул. Надень петлю. Немного постоишь — и я помогу тебе. Всё пройдёт. Все страхи и печаль. Ты веришь мне?

— А единственный правильный выбор?

— Делай — и мир станет тихим и пустым, как эти бутылки на полу. Доверься мне, друг. Я не подведу.

Бутылка подмигнула — трещиной на стекле, похожей на глаз.

Алексей посмотрел на свои руки. Они дрожали. Но голова уже не болела. Только пустота. Он кивнул и пошёл в подвал, не оглядываясь.

Он встал на стул, накинул петлю. Произнёс с горькой ухмылкой:

— Пей, и дьявол тебя доведёт до конца! И бутылка рома...

Стул скрипнул под его весом — и он шагнул в пустоту.

В тот же миг из горлышка бутылки, оставленной на столе, донёлся тихий пьяный смех. Или просто эхо его собственной смерти.

— Марина, не принимай близко к сердцу. Это всё враки! Японские ёкаи не знают русского языка. Давайте нам правдоподобную историю, — сказал Иван и притворно засмеялся, но было видно, что и его нервишки рассказчице удалось пощекотать.

Вика встала и задула две свечи. Наступила пауза.

— Бррр! — Марина тряхнула головой и залила свой страх остывшим чаем, добавив туда изрядную порцию рома.

— Да, рассказ жутковатый, — сказал Иван. — Я пока не готов продолжить. Марина очень строго на меня смотрит, и в руке у неё вилка. Пусть кто-то другой, а я уже завершу мероприятие.

Виктория попросила мужа продолжить эту игру страшным рассказом про какой-нибудь другой дом, чтобы не пугать жильцов — им здесь придётся ночевать. Ёсики-сан поднялся, поклонился, сказал: «Кудасай» — и рассказал. Виктория перевела:

Мать-оборотень

У Такасу Генбая пропала любимая чёрная кошка его матери. Через неделю мать перестала выходить из комнаты. Ела в одиночестве, по ночам спускалась в погреб и запретила всем туда заходить.

Однажды Генбай проследил за ней. Он заглянул в погреб и увидел: его мать сидит на корточках, пожирает что-то сырое, в темноте, не зажигая свечи. Она повернулась к нему. Вместо лица — кошачья морда. Пасть огромная, от уха до уха, глаза горят жёлтым.

— Мама? — растерянно прошептал он.

Она зашипела и бросилась на него. Генбай отбилась, захлопнул дверь. Но тут же вернулся с соседями и топором.

Тварь попыталась сбежать через потолок, но её зарубили на месте. У неё было два хвоста, как у всех оборотней-бакэнэко. Хвосты её были покрыты седой шерстью. Когда её рубили, она кричала голосом его матери.

Под полом нашли скелет пропавшей старушки и кости какого-то младенца. Кошка съела мать и заняла её место.

Вот почему в той деревне старухи боятся заводить чёрных кошек.

Закончив переводить, Виктория задула свечу и села на своё место. После истории про кошку-оборотня Марина сидела бледная, сжимая пустую чашку.

Она умоляюще посмотрела на Воронова, который уже готов был приступить:

— Ваня, я умоляю, будь добрее, чем предыдущие рассказчики. Не добивай меня, пожалуйста.

Иван, опустошив свой бокал с ромом одним глотком, встал во весь рост и приступил:

Гвоздь

Жили-были мать и дочь в одном доме, в комнате на втором этаже. И прямо из середины пола торчал большой ржавый гвоздь. Девочка постоянно спотыкалась об него и просила мать выдернуть, но та отвечала одно и то же: «Нельзя, произойдёт несчастье».

Шли годы. Девочка выросла, мать умерла, а гвоздь всё так же торчал посреди комнаты — дочь не смела ослушаться материнского наказа.

И вот однажды девушка позвала к себе друзей на вечеринку. Начались танцы, и всем ужасно мешал этот гвоздь. Друзья стали уговаривать хозяйку вынуть его наконец. Она согласилась.

Они выдернули гвоздь.

И в тот же миг раздался страшный грохот, и погас свет. Все замерли в темноте. Вдруг раздался звонок в дверь. Открывают — на пороге стоит женщина, вся в чёрном, и говорит:

— Что вы наделали?! Вам-то что, а у меня люстра упала...

Иван посмотрел на всех, улыбнулся и произнёс:

— Вот вам мораль: не трогайте ничего под ногами, если не знаете, что там внизу.

Когда Воронов закончил, Марина облегчённо засмеялась. По-видимому, рассказы от Виктории её сильно напугали, и тут Ваня так легко сбросил напряжение.

Одна свеча всё ещё горела. Воронов задумчиво произнёс:

— Ну что ж, посмотрим, кто к нам придёт.

И погасил последний источник света.

Стало темно. И тут все услышали, что внизу под террасой под чьим-то тяжёлым телом хрустнула ветка. В темноте не видны были лица присутствующих, но судя по тому, как все затихли и прислушались, страх подступил к ним.

Внизу кто-то тяжело вздохнул. Все молча сидели в темноте.

Потом Иван предложил перейти в комнату и включить электрическое освещение. С этим все дружно согласились. Однако Виктория сразу засобиралась домой.

Через несколько минут Иван с Мариной остались в доме одни. А может быть, и не одни. Этого никто не знает. Когда задули последнюю свечу, в доме мог появиться ёкай. И даже не один. Мысль материализуется непременно, особенно если много и часто пить.

Глава 4. Дом

Дом принимал их медленно — как человек, который не доверяет чужакам. Марина расставляла посуду, раскладывала вещи по шкафам, носила продукты из магазина у подножия горы. Ивану казалось, что стены вздыхают, когда он проходит мимо. Марина ничего не замечала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.